

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СВОЕЙ КУЛЬТУРЕ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. П. ФЕДОТОВА

Щедрина Ирина Олеговна

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник
Международной лаборатории исследований
русско-европейского интеллектуального диалога.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются концептуальные установки и тематические предпочтения философа русского зарубежья Г. П. Федотова на материале опубликованных трудов и эпистолярного наследия. Обращение к своему прошлому, историческим основаниям русской культуры находилось в центре внимания практически всех философов-эмигрантов, однако каждый из них видел путь к своей культуре по-особенному. Специфика рассуждений Федотова состояла в его историчности, то есть в том, что он не просто теоретически обосновывал особый путь развития русской духовности, но и сам возвращался к дохристианской русской культуре как истоку особого религиозного мировоззрения. Он хотел переосмыслить траектории духовного развития России. Хотел понять, как и когда произошел разрыв между интеллектуальным и духовным, каковы причины культурной катастрофы, которая развертывалась у него на глазах? Особое внимание автор уделяет сфере разговора Федотова и его способам выражения, выявляя специфику философского общения того времени, ключевые темы, самые обсуждаемые проблемы и дискуссионные вопросы. На страницах европейских и американских журналов представители русского зарубежья (философы, филологи, историки, искусствоведы) обрели особую интеллектуальную локацию. Темы, звучавшие в разговорах Федотова с коллегами: обсуждение судеб России, славянской специфики и духовной культуры – не потеряли актуальности и сегодня.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, культура, кризис, русское зарубежье

Ссылка для цитирования: Щедрина И. О. Возвращение к своей культуре: интеллектуальное наследие Г. П. Федотова // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 167–174.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-167-174

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00884 «Философия культуры русского зарубежья: Г. П. Федотов, В. В. Вейдле, Г. А. Ландау, П. М. Бицилли».

Последние несколько лет в философском и научно-гуманитарном сообществе все чаще обсуждается тема славянства и место в нем русской культуры. Интеллектуальное наследие религиозного философа-эмигранта Георгия Петровича Федотова (1886–1951) напрямую связано с ней, а его стиль мышления оценивается как вклад в русское философское возрождение¹. При этом для нас важно, что Федотов поразительно созвучен этой проблематике не только интеллектуально (Федотов, 2000; 2001; 1988), но и экзистенциально. Сам способ его существования — мыслитель на чужбине — обуславливал интерес к русской культуре. Он оказался в чужой культурной среде, вне привычной социальности, и, может быть, именно поэтому он так настойчиво обращался к историческим истокам своей культуры (см. также: (Мейендорф, 2000; 2006)). Этот особый духовный настрой Федотова отмечали и его собеседники (прежде всего философы-эмигранты Ф. А. Степун, Е. Д. Шор и др.).

Жизнь в эмиграции оказывала огромное влияние на векторы интеллектуального творчества Г. П. Федотова, в том числе на стремление сохранить родную среду и культуру за ее пределами. В самом деле, вынужденное постоянное существование в другом сообществе, в другой культурной сфере порой кардинально меняет отношение ко многим вопросам, над которыми интеллектуал мог ранее не задумываться. Находясь вне собственной культуры (в первую очередь на уровне локации), философы куда более пристально относились и к ней, и ко всем тем контекстам, которые ранее казались обыденными и повседневными. Особенно показательным оказывается пример именно философа, носителя культурных паттернов, которые оставались прежними, в том числе в эмиграции. Прежними были и «общие точки» интеллектуальной дискуссии: существуя в состоянии постоянной «рассеянности» и разобщенности, мыслители стремились создать и воссоздать свой «русскоговорящий», «славянский» мир, способствовавший их существованию именно как представителей отечественной философской мысли. Этот опыт создания специфического, славянского мира в рамках другой культуры представляет собой отдельный пласт в философии русского зарубежья вообще и в философии культуры Федотова в частности.

В этом смысле показательно общение Г. П. Федотова с Е. Д. Шором², который хотел перевести его книгу «Святые древней Руси» на немецкий язык. Вот строки

¹ Об этом подробнее см.: (Волкогонова, 2015; Гумерова, 2014; Антощенко, 2018; Морозова, 2017).

² Шор Евсей Давидович (1891–1974) — философ, искусствовед, переводчик. Сын музыканта Давида Шора, двоюродный брат Ольги Александровны Шор (Дешарт), биографа и издателя трудов Вяч. Иванова. Е. Д. Шор переписывался с представителями философской эмиграции, оставил большой эпистолярный архив. В начале 1920-х годов он был ученым секретарем физико-психологического отделения, членом правления и членом-корреспондентом РАХН. В 1923 году эмигрировал в Германию и поселился во Фрейбурге, активно участвовал в семинарах Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, выполнял роль доверенного лица и инициатора немецких изданий Вяч. Иванова, занимался переводами работ Н. А. Бердяева на немецкий язык и писал научную работу о Г. Зиммеле.

из письма Федотова: «Я чувствую себя очень виноватым перед Вами за свое малопонятное молчание. Получив Ваше майское письмо, я написал Ф. А. Степуну, спрашивая его о перспективах перевода моей книги “Святые древней Руси” на немецкий язык. Дело в том, что мои друзья из Берлина писали мне об этом, как о деле решенном». Сам Федотов, однако, подчеркнул в письме, что не мог обсуждать издательские планы с Шором до тех пор, пока не получил окончательный ответ о судьбе перевода «Святых древней Руси»:

«Прошло около 2 месяцев, когда пришел ответ от Ф. А. — ответ скорее отрицательный. Я его понял в том смысле, что сейчас мою книгу переводить не собираются. Но немедленно после этого я уехал в Англию и был поглощен совершенно иными делами и работами. Сейчас во Французской деревне я могу обдумать заново Ваше предложение или, вернее, предложения. Для меня теперь ясно: то, что удовлетворило бы Вас и издательство Vita Nuova — это не переделка какой-либо из моих книг, а совершенно новая работа на тему о трагической судьбе русской религиозности и русской культуры³. Такую книгу я мог бы написать под углом зрения той связи с культурой Запада и его проблематики, о которой Вы пишете. Эта работа даже увлекает меня — как не может увлечь простая литературная переделка. Но только это не маленькая и не простая вещь — дать не бледную схему, а живую душу России в ее духовной истории. Это требует времени и сил»⁴.

Федотов сообщал Шору, что мог бы взяться за эту работу только при уверенности, что труд не пропадет и книга будет напечатана.

Проблемы, осмысливаемые Федотовым и рассмотренные с исторических и философских позиций, его попытка преодоления культурного кризиса — все это призвано соотнести концепт славянской самобытности, русского прошлого с настоящим. В самом деле, задача философа — наблюдать и видеть происходящее со стороны, и отчасти Федотов, находясь в чужой стране, делал именно это. Издалека он ясно видел, чем опасна для культуры ситуация, сложившаяся в России того времени. Вот его слова на страницах «Нового журнала»: «Сейчас нет мучительнее вопроса, чем вопрос о свободе в России» (Федотов, 1945: 189). Однако наблюдение со стороны можно назвать таковым лишь отчасти, поскольку, оказавшись за пределами родных земель, он по-прежнему с чрезвычайной живостью и яркими эмоциями и отчетливой болью писал статьи о происходящем в Советской России:

³ Действительно, Ф. А. Степун предлагал Федотову переработать его книгу о святых Древней Руси, поскольку понимал ее актуальность и значимость. «Для всех иностранцев, — писал он, — “Святая Русь” важна сейчас не как древность и история, а как дыхание новой жизни» (Степун, 2013: 251). (Примеч. авт.)

⁴ Письмо Г. П. Федотова Е. Д. Шору от 27 августа (после 1931 года) хранится в архивном фонде Е. Д. Шора в Национальной библиотеке Израиля.

«...страшный враг культуры в России — не фанатизм, а тьма, и даже не просто тьма, а тьма, мнящая себя просвещением, суеверие цивилизации, поднявшее руку на культуру. Мы здесь, за рубежом, мучительно переживаем распродажу картин из Эрмитажа, как неисцелимую рану, нанесенную русской культуре. Не думаю, чтобы широкие массы в России были хоть сколько-нибудь ею взволнованы. Продать картины, чтобы купить машины или хлеб — должно было казаться естественным <...>. Одни люди влюбляются в картину и целую жизнь посвящают ее культу, другие — глазеют, спеша отбыть “культурную” повинность и сделать “социологические” выводы из запечатленной на полотне трагедии» (Федотов, 1939: 391–392).

На страницах «Современных записок» и «Нового града», а также в своих книгах Федотов обращается к обозначенным темам, вскрывая собственной откровенностью насущную проблематику своего времени: христианской вере противопоставляются социальные религии, подлинной русской культуре — чужие тропы: «...осознание нашего личного исторического пути поможет нам сосредоточить на нем возможно более организованных усилий, избавив, может быть, от бесплодной растраты сил на чужих, нам непосильных дорогах» (Федотов, 2000: 5).

Свое понимание роли философии, культурной самобытности, славянской традиции и их соотношения Г. П. Федотов сформировал в тот период, когда начали сбываться прогнозы о кризисе европейской культуры, который, вдобавок, принял в России трагическую форму. Последовавшие тогда события вызвали пессимистические настроения у значительной части интеллигенции. В самом деле, Федотов довольно мрачно описывает отношение к культуре в статье «Новый идол» (1935):

«А как обстоит дело с русской культурой, которую мы призваны здесь “хранить”? Для большинства она исчерпывается пошлым романсом и патриотическим лубком прошлого столетия. Вся пропыленная, засиженная мухами обстановка глухой русской провинции, которая раньше стыдливо пряталась, теперь бесстыдно выпирает наружу, требует себе признания — на наших публичных собраниях, на литературных вечерах, на страницах журналов. Даже самые ответственные доказательства русской культуры, руководимые интеллигенцией, свидетельствуют о страшном упадке вкуса, о несомненной деградации. “Дни русской культуры” и другие предприятия того же рода дают образцы второго и даже третьего сорта. Подлинно-творческая работа немногих — не по “хранению”, а по движению русской культуры — протекает среди всеобщего равнодушия» (Федотов, 1935: 407).

Мыслитель концентрирует внимание на основных чертах кризиса. В первую очередь это неспособность культуры разрешить противоречия между собственными ценностными основаниями, имущественная и культурная дезинтеграция

общества. Также он отмечает разложение морали, крушение веры в исторический прогресс и дискредитацию духовности (в первую очередь религиозной). Федотов пытался выявить причины такого кризиса и искал пути его преодоления. В публицистических и философских работах он настаивал на грядущем духовном и культурном возрождении России.

«Неустанно, черта за чертой восстанавливать сложный лик России из множества противоречивых ее отражений. И доказывать, что эта работа воссоздания распавшегося образа России есть единственное, чего Россия ждет от своих изгнанных детей. Мы можем спокойно предоставить Красной Армии заботу об охране русских рубежей, а комсомольцам и пионерам игру в солдатики. Понять, что политика здесь нам еще не дана, как непосредственное народное дело, но лишь как предмет изучения, подготовки, воспитания. А главное, главное — что может быть выполнено здесь, а не там, это поднять упавшую нить русской культуры. Ибо в этой сфере познание есть творчество. Национальное самосознание России есть в то же время и воскрешение ее к духовной национальной жизни» (Федотов, 1935: 410–411).

Федотов обращается именно к духовным, историческим корням славянства, осознавая злободневность означенной тематики в контексте его идей: «Изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения» (Федотов, 2000: 5), — пишет он в «Святых древней Руси».

Оказавшись в эмиграции, мыслители пытались выставить против кризисных явлений идейный заслон, опираясь на традицию русской культуры, славянства и православной веры. Именно этот исторический опыт философствования в отрыве от родной культуры создал особые предпосылки для идей Федотова как представителя русского зарубежья. Собственные богатейшие познания он пропускал сквозь экзистенциальную призму на уровне народной культуры в целом, говоря о религиозной этике и религиозном опыте русского народа на страницах работ, посвященных русской религиозности.

Если говорить об интеллектуальном созвучии философов русского зарубежья, можно отметить их особое видение собственного положения и внимательное отношение к коллегам и товарищам по изгнанию. Культура в данном случае становится, буквально, столпом, надеждой и обещанием интеллектуальной консолидации в будущем. Например, рассуждая о судьбах российской эмиграции, в письме Федотову 8 июля 1935 года Степун пишет:

«С большим удовольствием и с полным согласием прочел Вашу статью в последнем № “Современных записок”. Я давно думаю и утверждаю, что нашим реальным

эмигрантским делом и подвигом может быть только культурное творчество, одновременно традиционно упроченное и пророчески к будущему обращенное. Важно найти только какой-то новый действенный стиль и тон этого творчества» (Степун, 2013: 253).

В интеллектуальном наследии Федотова гибель культуры предстает главной угрозой. Однако философ подчеркивает: выход из сложившегося, поистине трагичного положения существует. И заключается он прежде всего в духовном усилии людей, направленном на сохранение и обогащение ключевых принципов, связывающих воедино отечественную славянскую культуру, ее историю, традиции и сообщество. По Федотову, задача философа как раз состоит в осмыслении этих принципов, позволяющих противостоять процессам разрушения. Таким образом, наследие мыслителя и философа культуры первой половины XX века оказывается по-современному актуальным при взгляде на нынешние кризисные процессы.

Литература

- Антощенко, 2018 — Антощенко А. В. Г. П. Федотов о древнерусском язычестве // Вестник славянских культур. 2018. Т. 47. С. 66–73.
- Волкоконова, 2015 — Волкоконова О. Д. Г. П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 4. С. 247–257.
- Гумерова, 2014 — Гумерова Ж. А. «Человеческое измерение» в русской исторической мысли начала XX в. (на примере творчества Г. П. Федотова) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 105–111.
- Мейендорф, 2000 — Мейендорф И. Ф. Единство Империи и разделение христиан: Святой Григорий Палама и православная мистика; Византия и Московская Русь. М.: Ин-т ДИ-ДИК; Православный Свято-Тихоновский богословский ин-т, 2000. 573 с.
- Мейендорф, 2000 — Мейендорф И. Ф. Рим-Константинополь-Москва. Исторические и богословские исследования. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 320 с.
- Морозова, 2017 — Морозова И. Н. Славянство, славянская взаимность: философия, богословие, идеология, социально-культурная практика // Философский полилог. 2017. № 2. С. 44–53.
- Степун, 2013 — Степун Ф. А. Письма / сост., археогр. работа, коммент., вступительные статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 683 с.
- Федотов, 1935 — Федотов Г. П. Новый идол // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. 1935. № LII. С. 397–411.
- Федотов, 1939 — Федотов Г. П. Письма о Русской культуре. 3. Создание элиты // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. 1939. № LXVIII. С. 388–407.
- Федотов, 1945 — Федотов Г. П. Россия и свобода // Новый журнал. 1945. № 10. С. 189–213.
- Федотов, 1988 — Федотов Г. П. Лицо России. Статьи 1918–1930 г. Париж: YMCA-Press, 1988. 330 с.
- Федотов, 2000 — Федотов Г. П. Святыне Древней Руси // Федотов Г. П. Собр. соч. в 12 т. Т. 8 / сост., примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис, 2000. 268 с.
- Федотов, 2001 — Федотов Г. П. Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. // Федотов Г. П. Собр. соч. в 12 т. Т. 10 / сост., примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис, 2001. 382 с.

RETURNING TO OWN CULTURE: THE INTELLECTUAL HERITAGE OF G. P. FEDOTOV

Irina O. Shchedrina

PhD in Philosophy, Junior Research Fellow,
International Laboratory for the Study
of Russian and European Intellectual Dialogue.
National Research University “Higher School of Economics”.
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.
E-mail: echiscar@yandex.ru

Abstract. The article reveals the conceptual attitudes and thematic preferences of the philosopher of the Russian diaspora G. P. Fedotov on the material not only of published works but also of his epistolary heritage. The author emphasizes that appeal to his past, to the historical foundations of Russian culture, was in the center of attention of almost all philosophers-emigrants. Still, each of them saw the path to his culture in his own way. A feature of Fedotov consisted in its historicity, i.e., in the fact that he not only theoretically substantiated a special path for the development of Russian spirituality but himself returned to pre-Christian Russian culture as the source of a special religious worldview. He wanted to rethink the trajectories of Russia’s spiritual development to understand how and when there was a gap between the intellectual and the spiritual, what are the reasons for the cultural catastrophe that was unfolding before his eyes. At the same time, the author pays special attention to the sphere of conversation of Fedotov and his methods of expression, revealing the specifics of philosophical communication of that time, key topics, the most discussed problems, and debatable issues. Representatives of the Russian diaspora (philosophers, philologists, historians, art critics) have acquired a special intellectual location on European and American magazines’ pages. The topics discussed by Fedotova with colleagues: the discussion of the fate of Russia, Slavic specificity, and spiritual culture have not lost their relevance today.

Keywords: G. P. Fedotov, Culture, Crisis, Russian abroad

For citation: Shchedrina, I. O., 2020. Returning to Own Culture: the Intellectual Heritage of G. P. Fedotov. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 167–174.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-167-174

The research is carried out at expense of RFBR, project No 20-011-00884 «Philosophy of Culture of Russian Abroad: G. P. Fedotov, V. V. Weidle, G. A. Landau, P. M. Bicilli».

References

- Antoshchenko, A. V., 2018. G. P. Fedotov o drevnerusskom yazychestve [G. P. Fedotov about Old Russian paganism]. *Bulletin of Slavic Cultures*, 47, 66-73.
- Fedotov, G. P., 1935. Novyy idol [New idol]. *Sovremennyye zapiski. Obshchestvenno-politicheskiy i literaturnyy zhurnal*, LII, 397-411.
- Fedotov, G. P., 1939. Pis'ma o Russkoy kul'ture. 3. Sozdanie elity [Letters about Russian culture. 3. Creation of the elite]. *Sovremennyye zapiski. Obshchestvenno-politicheskiy i literaturnyy zhurnal*, LXVIII, 388-407.
- Fedotov, G. P., 1945. Rossiya i svoboda [Russia and Freedom]. *Novyy zhurnal*, 10, 189-213.
- Fedotov, G. P., 1988. *Litso Rossii. Stat'i 1918-1930 g.* [The Face of Russia. Articles 1918-1930]. Paris: YMCA-Press.
- Fedotov, G. P., 2000. Svyatyye Drevney Rusi [Saints of Ancient Rus]. Fedotov, G. P. *Sobranie sochinenii* [Collected works], 12 vols. Vol. 8, comp., notes by S. S. Bychkov. Moscow: Martis.
- Fedotov, G. P., 2001. Russkaya religioznost'. Chast' I. Khristianstvo Kiyevskoy Rusi. X-XIII vv. [Russian religiosity. Part I. Christianity of Kievan Rus. X-XIII centuries]. *Sobranie sochinenii* [Collected works] 12 vols. Vol. 10, comp., notes by S. S. Bychkov. Moscow: Martis.
- Gumerova, Zh. A., 2014. "Chelovecheskoye izmereniye" v russkoy istoricheskoy mysli nachala XX v. (na primere tvorchestva G. P. Fedotova) ["Human Dimension" in Russian historical thought at the beginning of the 20th century (on the example of the work of G. P. Fedotov)]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 386, 105-111.
- Meyendorff, I. F., 2000. *Yedinstvo Imperii i razdeleniye khristian: Svyatoy Grigoriy Palama i pravoslavnyaya mistika; Vizantiya i Moskovskaya Rus'* [The unity of the Empire and the division of Christians: St. Gregory Palamas and Orthodox mysticism; Byzantium and Moscow Russia]. Moscow: Institute DI-DIK; Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy bogoslovskiy institut.
- Meyendorff, I. F., 2006. *Rim-Konstantinopol'-Moskva. Istoricheskiye i bogoslovskiy issledovaniya* [Rome, Constantinople, Moscow: Historical and Theological Studies]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet.
- Morozova, I. N., 2017. Slavyanstvo, slavyanskaya vzaimnost': filosofiya, bogosloviye, ideologiya, sotsial'no-kul'turnaya praktika [Slavism, Slavic reciprocity: philosophy, theology, ideology, social and cultural practice]. *Philosophical polylogue*, 2, 44-53.
- Stepun, F. A., 2013. *Pis'ma* [Letters], comp., archeogr. work, comments, introductory articles to the volume and sections of V. K. Kantor. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
- Volkogonova, O. D., 2015. G. P. Fedotov o natsional'nom kharaktere v istorii Rossii [G. P. Fedotov on the national character in the history of Russia]. *Russian humanitarian journal*, 4(4), 247-257.